

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

УДК 81'373.611:[811.111+811.161.1+811.161.3]

ШУЛЬГА
НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

**РЕДУПЛИКАТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ В БЕЛОРУССКОМ, РУССКОМ
И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ПЕРЕВОД**

Авторферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Минск, 2013

Работа выполнена в учреждении образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Научный руководитель – Стариченок Василий Денисович, доктор филологических наук, профессор, декан факультета белорусской и русской филологии УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Официальные оппоненты: Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины».

Мартысюк Натэла Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка № 2 УО «Белорусский национальный технический университет»

Оппонирующая организация – ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»

Защита состоится «21» февраля 2014 г. в 16.00 часов на заседании совета по защите диссертаций Д 02.01.11 при Белорусском государственном университете по адресу: 220030, г. Минск, ул. К. Маркса, 31, ауд. 62. Телефон ученого секретаря: 209-55-58.

С диссертацией можно ознакомиться в Фундаментальной библиотеке Белорусского государственного университета.

Автореферат разослан «14» января 2014 г.

Ученый секретарь
совета по защите диссертаций

Запрудский С.Н.

ВВЕДЕНИЕ

Явление редупликации признается оптимальным объектом типологических исследований вследствие своей общепризнанной иконичности и универсальности. Заклучаясь в полном или частичном удвоении слога, корня, основы или всего слова, редупликация в качестве непродуктивного способа образования имеет место и в близкородственных белорусском и русском языках, и в дальнеродственном им английском языке. Отсюда вытекает проблема исследования: выявление общих и специфических свойств единиц, образованных с помощью редупликации, в сопоставляемых языках.

Актуальность исследования редупликативных образований (РО) обуславливается следующими факторами: а) потребностью в комплексном, многоаспектном описании словарного состава, которое невозможно без изучения существенных характеристик РО, входящих в систему лексических единиц того или иного языка; б) важностью проведения в отечественной лингвистике специальных исследований по редупликации, отсутствие которых дает неполное представление о словообразовательной системе белорусского языка; в) необходимостью изучения неисследованных аспектов редупликации в сопоставляемых языках (деривационная структура, частотность РО, сущность их экспрессивных функций и способов перевода), что позволит внести заметный вклад в теорию редупликации, а также обогатит факты сопоставительных изысканий родного и изучаемых иностранных языков.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с крупными научными программами (проектами) и темами

Диссертация выполнена на кафедре общего и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» в рамках тематики НИР «Русский и белорусский языки в их историческом развитии и современном состоянии» № ГР 20115428 (2006–2010 гг.) и «Двуязычие: теория, функционирование, преподавание» № ГР 20115428 (2011–2015 гг.).

Тема диссертационного исследования соответствует приоритетным направлениям фундаментальных и прикладных научных исследований Республики Беларусь на 2011–2015 гг., отраженным в п. 11.9 «Историческое развитие белорусского языка, его современное состояние, функционирование и связи с другими языками мира» постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19.04.2010 г. № 585.

Основные этапы диссертационной работы выполнялись в рамках научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования Республики Беларусь на 2012 год «Структурно-семантические и функциональные особенности редупликативных образований белорусского, русского и английского языков» (№ ГР 20121200 от 02.04.2012 г.).

Цель и задачи исследования

Цель исследования – выявить типологические сходства и различия в системе редупликативных единиц белорусского, русского и английского языков на основе изучения их структуры, функций и особенностей перевода.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявить и систематизировать корпус РО в белорусском, русском и английском языках;
- 2) определить деривационную структуру универсальных редупликативных типов и выделить тематические группы РО,
- 3) оценить вероятность и частоту распределения лексических единиц, составляющих редупликативный корпус;
- 4) установить стилистические функции РО в пространстве художественных текстов;
- 5) раскрыть способы перевода РО и создать алгоритм межъязыкового корреспондирования редупликативной лексики.

Объект исследования – корпус редупликативных единиц в белорусском, русском и английском языках. **Предмет** – структурно-функциональные особенности и специфика межъязыкового корреспондирования редупликативных слов и словоформ. Выбор объекта и предмета исследования обосновывается актуальностью изучения фономорфологических способов производства лексических единиц в белорусском, русском и английском языках в целях выявления их типологических сходств и различий.

Материалом исследования послужили 1 871 узуальная и неузуальная редупликативная единица (445 РО белорусского языка, 546 – русского и 880 – английского), собранные методом сплошной выборки из лексикографических источников, произведений разножанровой художественной литературы и периодической печати. Использовались также данные национальных корпусов сопоставляемых языков. Общий объем проанализированных источников составил 7 117 авт. листов (2 383 авт. листа в белорусском языке, 2 497 – в русском и 2 237 – в английском).

Положения, выносимые на защиту

1. Редупликативные слова и словоформы объединяются в следующие структурные группы: 1) полные РО с симметричными компонентами (бел. *ціхуткі-ціхуткі*, рус. *крепко-крепко*, англ. *night-night* ‘спокойной ночи’) и с асимметричными компонентами (бел. *ціхуткі-прыціхуткі*, рус. *крепко-*

накрепко, англ. *nighty-night* ‘спокойной ночи’); 2) аблаутивные РО с симметричными компонентами (бел. *флік-фляк*, рус. *буки-бяки*, англ. *wim-wam* ‘взбалмошность’) и с асимметричными компонентами (бел. –, рус. *тики-так*, англ. *hippety-hop* ‘скок-поскок’); 3) рифмованные РО с симметричными компонентами (бел. *шалы-балы* ‘пустые разговоры’, рус. *тоси-боси* ‘то-сё’, англ. *boozy-woozy* ‘пьяный’) и с асимметричными компонентами (бел. –, рус. –, англ. *rinky-dink* ‘дешевый’). Своеобразие выделенных структурных групп в сопоставляемых языках проявляется в способности редупликативных типов сопровождаться количественной дифференциацией, которая обеспечивает асимметричность редупликативных компонентов, а также в регулярности вокалических и консонантных оппозиций внутри компонентов аблаутивных и рифмованных РО.

Впервые выявлен и систематизирован корпус РО белорусского языка, существенно дополнен корпус редупликативов русского и английского языков; выделение структурных групп РО проводится методом диаграмм Вейча по двум признакам (фонологической идентичности и симметричности компонентов).

2. В производстве РО могут участвовать различные типы производящих баз (полнозначные, неполнозначные, ономастические и псевдоморфемные), которые организуются в пять универсальных комбинаций. Специфика сопоставляемых языков проявляется при образовании редупликативных типов, состоящих из полнозначной производящей базы и псевдоморфемы-отзвучия, а также полных и аблаутивных РО, состоящих из двух полнозначных производящих баз. Система РО белорусского и русского языков характеризуется меньшим семантическим разнообразием и емкостью предметно-тематических группировок.

Впервые определена деривационная структура РО белорусского и русского языков. Внутри редупликативных типов проведена тематическая дифференциация; выделение универсальных комбинаций производящих баз РО формализуется при помощи диаграмм Вейча.

3. Существенность расхождений между вероятностями и частотами различных типов РО объясняется функциями редупликации в сопоставляемых языках. В белорусском и русском явление редупликации выступает не столько словообразовательным, сколько формообразовательным способом, поэтому значительно преобладают полные РО разных частей речи. В английском языке редупликация выполняет преимущественно словообразовательную роль и большинство редупликативов представлено рифмованными и аблаутивными типами.

Впервые статистически обосновывается вероятность и частота распределения редупликативных единиц в белорусском, русском и английском языках.

4. Редупликативные единицы белорусского, русского и английского языков, введенные в художественный текст в различной концентрации контекстуальным или текстуальным способом, используются в качестве эффективного средства стилизации (под кавказскую, еврейскую, детскую, «магическую» и «заморскую» речь), типизации (в качестве показателя принадлежности персонажа к той или иной социальной среде и возрастной группе), экспрессивизации (в составе имен собственных, а также как один из индикаторов эмоционального состояния литературного героя при использовании рифмованных РО, состоящих из полнозначной производящей базы и псевдоморфемы-отзвучия), комизации и эвфемизации речи автора и персонажей.

Впервые установлен функционально-стилистический потенциал редупликативов белорусского, русского и английского языков.

5. При выборе межъязыковых соответствий для редупликативных слов и словоформ белорусского, русского и английского языков используются три типа переводческих решений (элиминация, компенсация и сохранение), последние из которых выступают в качестве основы для эвристического алгоритма перевода РО, обеспечивающего эквивалентную и адекватную передачу редупликативной лексики. Редупликативное по структуре соответствие или функциональный аналог выявляется для имен собственных, интернациональных терминов, звукоподражаний, эхо-конструкций и некоторых фразеологизированных лексических единиц, входящих в сопоставляемых языках в одни и те же тематические группы.

Впервые выявлены способы перевода редупликативных слов и словоформ белорусского, русского и английского языков; разработан алгоритм межъязыкового корреспондирования РО и составлен «Толково-переводной словарь редупликативных образований», включающий 95 наиболее частотных редупликативных слов современного английского языка и их соответствий в белорусском и русском языках.

Личный вклад соискателя

Диссертация является самостоятельно выполненным исследованием, основные положения и выводы которого основываются на анализе лично собранного и систематизированного фактического материала. Публикации по теме диссертации выполнены без соавторов.

Апробация результатов диссертации

Результаты исследований, выполняемых в рамках диссертационной работы, докладывались и обсуждались на 20 научных конференциях, 18 из

которых – международные: «Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя праблемы даследавання» (Минск, 2010), «Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества» (Минск, 2010), «Беларуская амастыка. Гісторыя і сучаснасць» (Минск, 2010), «Надзённыя праблемы лексікалогіі і амастыкі славянскіх моў» (Мозырь, 2010), «Содружество наук. Барановичи-2010» (Барановичи, 2010), «Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке» (Минск, 2010), «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики» (Минск, 2010), «Наука. Образование. Технологии-2010» (Барановичи, 2010), «Мова – Літаратура – Культура» (Минск, 2010), «Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» (Минск, 2010), «Язык и социум» (Минск, 2010), «Проблемы теории, практики и дидактики перевода» (Нижний Новгород, 2011), «Тыпалогія ўзаема сувязей беларускай і рускай моў і праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі» (Минск, 2011), «Молодежь в науке – 2011» (Минск, 2011), «Язык и межкультурные коммуникации» (Минск – Вильнюс, 2011), «Текст. Язык. Человек» (Мозырь, 2011), «Современные проблемы лексикографии» (Харьков, 2011), «Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам» (Минск, 2011), «Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння» (Минск, 2011), «Молодые ученые в инновационном поиске» (Минск, 2012).

Опубликованность результатов диссертации

Результаты диссертационного исследования отражены в 37 публикациях (общим объемом 11,2 авт. листа): 7 статей (2,9 авт. листа) – в журналах, включенных в перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, 1 статья (0,4 авт. листа) – в рецензируемом научном издании Российской Федерации; 14 работ (4,4 авт. листа) – в сборниках научных статей, из которых 7 являются зарубежными; 15 работ (3,5 авт. листа) – в сборниках материалов конференций, включая 1 публикацию в виде тезисов доклада.

Структура и объем диссертации

Диссертация состоит из перечня условных обозначений, введения, общей характеристики работы, трех глав с выводами по каждой из них, заключения, библиографического списка, включающего список использованных источников (263 позиции), список источников фактического материала (234 позиции) и список публикаций соискателя (37 позиций), а также четырех приложений.

Полный объем диссертации составляет 279 страниц, из которых 118 страниц занимает основная часть материала исследования (23 таблицы и 22 иллюстрации вспомогательного характера располагаются на 13 страницах), 37 страниц – библиографический список и 124 страницы – приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Первая глава «Теоретические предпосылки изучения редупликации» носит обзорно-аналитический характер и состоит из четырех разделов.

В первом разделе рассматривается широкое и узкое понимание термина «редупликация», объем понятия которого видится существенно расширенным за счет его приравнивания к содержанию понятий «удвоение» (англ. *doubling*), «повторение» (англ. *reiteration*) и «повтор» (англ. *repetition*) вследствие наличия у четырех терминов единой семы <повторяемость>. Для разграничения редупликации от смежных явлений предлагается учитывать: 1) количественный аспект повторяемости (явление редупликации, основанное на удвоении, подразумевает двоекратность, в то время как явление повтора, основывающееся на повторении, ассоциируется с многократностью, следовательно, объем понятия «редупликация», входя в объем понятия «повтор», составляет лишь незначительную его часть), 2) качественный аспект повторяемости (редупликация подразумевает контактное повторение морфологических или лексических единиц в целях образования новых слов или словоформ, которое происходит на фономорфологическом уровне типа бел. *хутка-хутка*, рус. *муси-муси*, англ. *tiffy-tuffy* 'тяжелая работа', в то время как повтор может быть как контактным, так и дистантным, выступая в качестве мощного стилистического средства организации текста на разных языковых уровнях). В этом же разделе приводятся различные варианты языковедческой терминологии, описывающие редупликативные единицы.

Второй раздел посвящен критическому рассмотрению двух подходов к определению места редупликации в языковой системе в качестве способа образования. Будучи признанным фонологически мотивированным способом производства новых слов, относящихся к регулярно производимой лексике типа бел. *хану-лагу*, рус. *шурум-бурум*, англ. *roister-doister* 'глупый хвастун' и новых словоформ, свободно производимых в речи и не закрепленных лексикографическими источниками типа бел. *белы-прыбелы*, рус. *ходит-ходит*, редупликация (в связи с отсутствием специфического редупликативного средства образования) традиционно признается несамостоятельным способом производства и относится, исходя из методологической установки исследователя, либо к разновидности аффиксации (А. Алисултанов, Ю. Маслов, Ф. Минлос, А. Принс, П. Смоленский, Дж. Маккарти), либо к разновидности сложения, при котором образуется редупликативное сложное слово (В. Изотов, Н. Шанский, О. Крючкова, И. Улуханов, Л. Блумфилд, Л. Петрова, И. Арнольд, Г. Коциоль, Г. Марчанд, Н. Тан и др.). В настоящей диссертационной работе явление редупликации рассматривается как форма сложения, участвующая в образовании новых слов и словоформ, при которой

первостепенную роль играет не только морфологическая сочетаемость компонентов, но и их фонематическая структура, что иллюстрируется с использованием элементов теоретико-множественного анализа и диаграмм Эйлера – Венна.

В третьем разделе при помощи решеток Вейча проводится систематизация РО с учетом их фонеморфологических особенностей по двум признакам: идентичности и симметричности компонентов. В качестве РО признаются узуальные и незуальные единицы: 1) с фонематически идентичными компонентами типа бел. *трух-трух*, рус. *чики-чики*, англ. *rooh-rooh* ‘относиться с презрением или насмешкой’ (так называемые полные РО); 2) с компонентами с чередующейся ударной гласной в корне при аллитерации начальных согласных типа бел. *кляп-клён*, рус. *чунга-чанга*, англ. *mingle-mangle* ‘путаница’ (аблаутивные РО); 3) с компонентами с чередующимися начальными согласными типа бел. *шура-бура*, рус. *пята-меша* ‘деньги’, англ. *beddie-weddie* ‘постель’ или с добавлением согласного звука во втором компоненте, если первый компонент начинается с гласного при рифмовании остальных звуков типа бел. *охці-вохці*, рус. *пята-баты*, англ. *argie-bargie* ‘перепалка’ (рифмованные РО). Помимо качественной фонематической дифференциации, редупликативные компоненты могут сопровождаться количественной дифференциацией, то есть удлиняться за счет аффиксов (бел. *воляй-няволяй*, рус. *звон-перезвон*, англ. *jiggety-jog* ‘прыг-скок’ или разбиваться так называемыми промежуточными элементами (по терминологии М. Мехеды) типа бел. *рыхт-у-рыхт*, рус. *точка-в-точка*, англ. *tick-a-tick* ‘стук пульса’.

В этом же разделе подробно рассматриваются способы обеспечения количественной дифференциации внутри компонентов РО, вычисляется процентное соотношение выделенных структурных подтипов, приводятся наиболее регулярные консонантные и вокалические оппозиции, обеспечивающие качественную дифференциацию аблаутивных и рифмованных РО, раскрываются тенденции в распределении ударения внутри редупликативных компонентов.

В четвертом разделе содержится обзор различных точек зрения и подходов к проблеме изучаемого явления. Условно выделяются три основных этапа (начальный, эмпирический и теоретический) в становлении редупликации как особого объекта исследования. Начальный этап характерен для отечественного языкознания: понятие редупликации лишь фигурирует в работах некоторых лингвистов. Изучение редупликации на материале русского языка находится на эмпирическом этапе: помимо разработки фундаментальных понятий и упорядочивания понятийно-терминологического аппарата, собираются обширные фактологические данные по редупликации на материале детской речи, звукоподражательной лексики, фольклорных текстов,

языковой игры, формообразования, окказионального и арготического словообразования. Теоретический этап характерен для зарубежной лингвистики: изучение редупликации перешло здесь на качественно иной уровень, получив формализацию в рамках дуальной теории редупликации (англ. *dual theory of reduplication*), объединившей подходы фонологической теории оптимальности и морфологической теории удвоения.

Вторая глава «Структурные и частотные характеристики редупликативных образований» состоит из трех разделов. В первом разделе обосновывается методика исследования словообразовательных и вероятностно-статистических особенностей РО, обсуждаются используемые материалы и методы.

Во втором разделе при помощи решеток Вейча проводится дифференциация полных, аблаутивных и рифмованных РО трех сопоставляемых языков, направленная на выявление их деривационной структуры. Устанавливается, что редупликативы могут состоять из следующих типов производящих баз: 1) полнозначных (соотносятся со знаменательными частями речи); 2) неполнозначных (соотносятся со служебными частями речи); 3) ономатопеических (соотносятся со звукоподражаниями или междометиями); 4) псевдоморфемных (не соотносятся ни с одной лексической единицей, существующей в языке). В следующих трех подразделах проводится сопоставительный анализ деривационной структуры полных, аблаутивных и рифмованных РО белорусского, русского и английского языков с предоставлением данных о частотности словообразовательных моделей и тематической группировке редупликативов различных структурных подгрупп.

В третьем разделе представлены результаты статистического анализа вероятности и частоты распределения полных, аблаутивных и рифмованных РО, свидетельствующие о зависимости между типом сопоставляемых языков и преобладанием в нем определенного подтипа редупликативных слов и словоформ. При уровне значимости $\alpha = 0,05$ проверяется нулевая гипотеза H_0 о равной вероятности появления редупликативов разных типов в белорусском, русском и английском языках при конкурирующей гипотезе H_1 , согласно которой РО в сопоставляемых языках имеют разную вероятность употребления. После проверки лингвистических гипотез вычисляется относительная частота проявлений редупликативов в каждом из сопоставляемых языков с определением нижних и верхних границ доверительного интервала, в который может попасть значение РО с надежностью $\gamma = 0,95$.

Третья глава «Экспрессивно-стилистические функции и перевод редупликативных образований» состоит из пяти разделов. В первом разделе обсуждается выбор материала исследования, применяемые методы и

теоретические положения, составляющие методологическую основу исследования выразительных возможностей и способов перевода РО.

Второй раздел посвящен описанию функционирования РО в речевых зонах произведения, анализу путей семантизации и концентрации редупликативов в ткани литературных текстов, активность которых определяется при помощи коэффициента редупликации (K_p), находящегося в прямой зависимости от содержания и характера художественного текста, социального положения изображаемых героев и писательской лояльности к редупликативным словам и словоформам. Наиболее благоприятной художественной средой для РО в трех сопоставляемых языках является повествование от первого лица и прямая речь, допускающие употребление разговорно-просторечных элементов. При этом выделяются два универсальных способа включения редупликативов в ткань художественного произведения: контекстуальный, когда автор вводит РО без всяких пояснений, и текстуальный, когда автор раскрывает значение редупликатива путем использования синонима к РО, посредством перевода (в случае если РО участвуют в создании «иноземной» речи) и путем предоставления редупликативной дефиниции (толкования). Например: *Заязджаем. Тыры-мыры, слова за слова – глядзіш, пляшка на сталае, сала-мяса* (Г. Далідовіч). *Посол (встает и говорит хрипло). Астін алитон малем чер-чер... Алиман букбак фью-фью люлин. / <...> / Переводчик. Господин посол изволил сказать, что мудрецы в старину умели узнавать, кому принадлежит волшебная вещь...* (С. Маршак). “*And just what is an ing-bing, Mr. Marlowe?*” <...> “*A case of the vapors, they used to call it,*” I said (R. Chandler). – *И что же такое чики-бряки, мистер Марлоу?* <...> / – *Приступ меланхолии, – пояснил я* (Р. Чандлер. Пер. с англ. А. Ливерганта)

В третьем разделе рассматриваются выразительные возможности и семантико-функциональные оттенки РО, которые наиболее активно используются в разнообразных аспектах стилизации. Полные, рифмованные и аблаутивные редупликативы, состоящие из псевдоморфем, нередко употребляются при условной передаче «иноземной» речи и в составе магических заклинаний: *Казак. Гавары мне на латыні. / Чужаземец. Костумосту, салігру-малігру, прыплескантус-цыатантус* (Слущкая батлейка). М- и шм-редупликации выступают в качестве основного средства имитации кавказской и еврейской речи: *Ай, дэвушка, пойдём ресторан кюшать – шашлык-машлык, лобио-мобио, зелень-мелень, а? Такой красивый – нэ должен бить с папа-мама!* (А. Экслер). Без использования РО не обходится и стилизация речи взрослых под детскую речь в ходе обращения к малышам, животным и другим взрослым. Например: “*Him miss mommie, did him? Hmmmm? Was him lonely, my fuzzy-wuzzy baby, my cutie Scootie?*” (D. Koontz).

– Ты скучал без своей мамочки, да? – просюсюкала она. – Ты грустил, мой мохнатенький песик, мой Скути-пути-ути! (Д. Кунц. Пер. с англ. Вл. Гришечкина).

Универсальным видится использование различных структурных типов РО и в ходе типизации речи персонажей: будучи активным способом номинации в области просторечной, арготической и детской лексики, редупликация может служить показателем принадлежности к той или иной социальной среде и возрастной группе, в то время как неправомерное употребление РО может привести к «стилистическому слову» (по терминологии Ю. Лотмана).

Выступая как основа каламбура или в составе забавных и смешных ситуаций, РО сопоставляемых языков активно участвуют в актуализации комического эффекта: *Тым у вёсцы вядомы быў Юра: / Удес з дзяўчатамі часта хадзіў. / Ён то з Шурай хадзіў, а то з Мурай – / Карцей, шуры-муры вадзіў* (М. Крук). Продуктивным видится использование РО и в качестве способа эвфемизации. Например: *“Is that where Laverne saw you and that Allegrezza boy... you know?” / <...>. “What?” / “Hanky-panky,” whispered the older woman* (R. Gibson). – *Это здесь вы сидели с мальчишкой Аллегрецца, когда Лаверн увидела, как вы... ну, ты понимаешь. / <...>. – Что? / – Ну, это... баловались, – шепотом сказала старуха* (Р. Гибсон. Пер. с англ. Е. Деникиной).

Огромным экспрессивным потенциалом обладают м-, шм-, фу- и ху-отзвучия. При м-редупликации, встречающейся в русской и белорусской речи, негативный элемент по сравнению со шм-редупликацией ослаблен. Возможен шутливо-игровой характер, значение «множественного числа уничижительного» (термин Ю. Плэна): *Сёньня ў нас на праграме танцы-манцы над Алу Пугачоў...* (А. Сыс). Фу- и ху-редупликаторы характерны исключительно для некодифицированной устной речи русского языка, где они выступают в составе снижающих и обценных конструкций, используемых для характеристики лица или события с пейоративной оценкой: – *Ладно!* – *сказал мужчина, обрывая спор. – «Жексон-Фуксон!» Пошли!* (Г. Горин). Шм-отзвучие в сопоставляемых языках чаще всего придает полнозначной основе элемент равнодушия, снисходительности, безразличия, раздражения и пренебрежения (последнее особенно актуально в отношении личных имен). Например: *“Let’s you and I not push poor Mike any further this week. <...>. / “Mike-schmike.” I muttered, preoccupied by the way he’d said “you and I.”* (S. Meyer). – *Давай мы с тобой не будем больше доводить Майка, хотя бы на этой неделе. <...>. / – Майк-Шмайк, – пробормотала я, поглощенная изучением его интонации, с которой он произнес «мы с тобой»* (С. Майер. Пер. с англ. А. Рич).

Благодаря своей необычной форме, яркости, краткости и запоминаемости, РО сопоставляемых языков используются в литературных произведениях для взрослых и детей в качестве строительного материала для различных типов имен собственных. В белорусской литературе наиболее часто при редупликативной номинации персонажей используются полные РО (*сабачка Чыка-чыка*). В русском языке активны как полные, так и рифмованные редупликативные имена собственные (*фройляйн Кис-Кис*, *фон барон Кутькин-Путькин*). В англоязычной литературе – полные РО (*monkey Chee-Chee* ‘обезьянка Чи-Чи’). Иногда при помощи редупликации строятся и «говорящие» антропонимы: *Саша Дай-Дай*, *судья Ляпкин-Тяпкин*, *postman Willy-Nilly* ‘почтальон Поневольный’.

В четвертом разделе выявлены три типа универсальных переводческих решений (таблица 1) и способы их реализации при передаче РО

Таблица 1 – Переводческие решения при передаче редупликативных образований

Тип переводческого решения	Модель	Сущность
Сохранение	РО = РО'	Сохранена структура, семантика, а также все функции, выполняемые РО (англ. <i>chop-chop</i> → рус. <i>саван-давай</i>)
Компенсация	РО ≠ РО'	Форма РО не сохранена, однако раскрыт семантический компонент, достигнут сходный эмотивный и прагматический эффект (англ. <i>chop-chop</i> → рус. <i>шевелись</i>)
Элиминация	РО = ∅	РО получает в переводе нулевое соответствие, то есть попросту опускается (англ. <i>chop-chop</i> → рус. ∅)

В пятом разделе представлена система правил для достижения эквивалентного и адекватного корреспондирования РО, получившая свое отражение на блок-схеме (рисунок 1), сопровождаемой примерами, комментариями и методическими рекомендациями по ее применению.

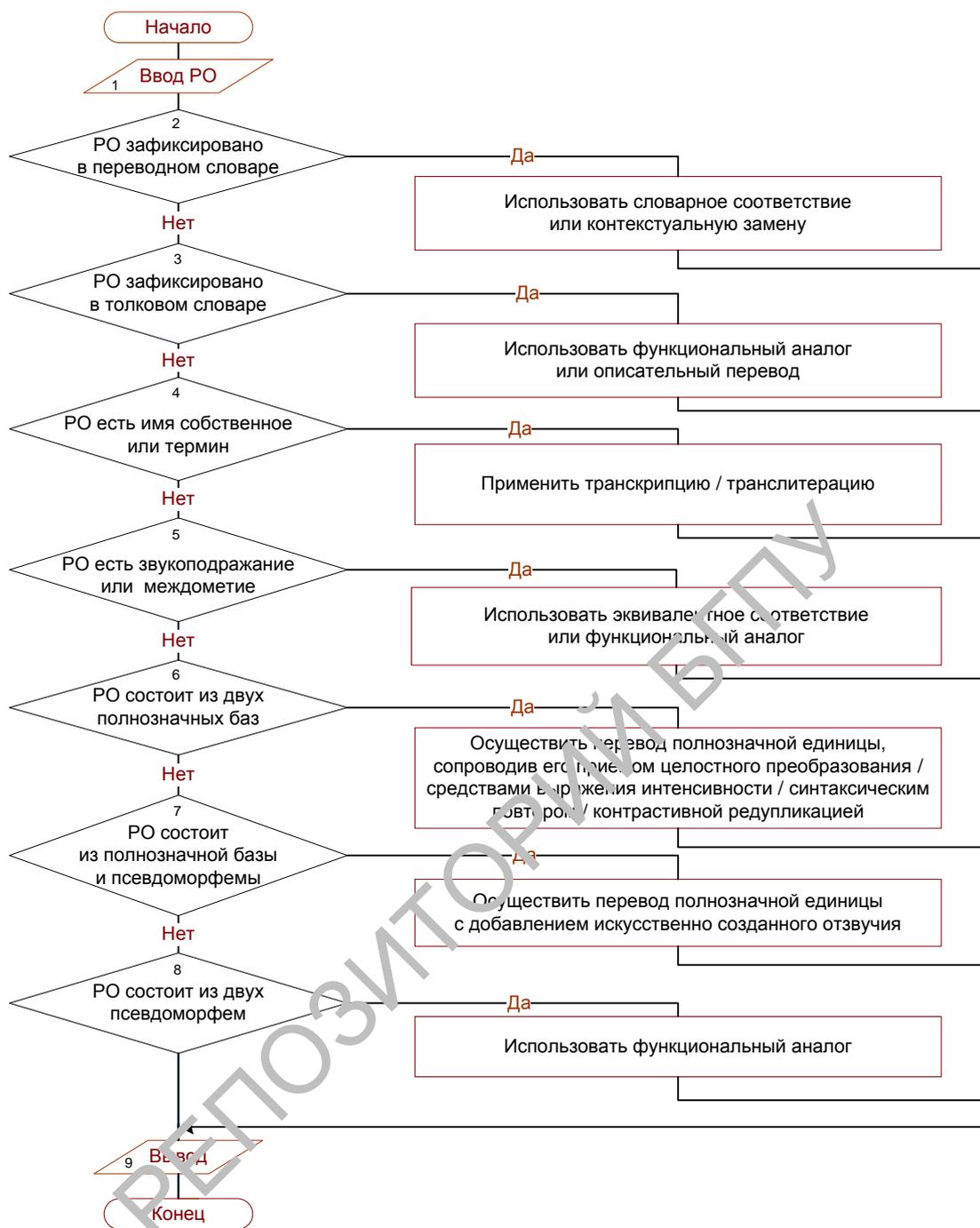

Рисунок 1 – Блок-схема алгоритма перевода РО

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

1. Редупликативные слова и словоформы организуются в следующие структурные группы, исходя из принципов фонологической идентичности и симметричности компонентов: 1) полные РО с симметричными компонентами (бел. *ціхуткі-ціхуткі*, рус. *крепко-крепко*, англ. *night-night* ‘спокойной ночи’) и с асимметричными компонентами (бел. *ціхуткі-прыціхуткі*, рус. *крепко-накрепко*, англ. *nighty-night* ‘спокойной ночи’); 2) аблаутивные РО с

симметричными компонентами (бел. *флік-фляк*, рус. *буки-бяки*, англ. *wit-wat* ‘взбалмошность’) и с асимметричными компонентами (бел. –, рус. *тики-так*, англ. *hippety-hop* ‘скок-поскок’); 3) рифмованные РО с симметричными компонентами (бел. *шалы-балы* ‘пустые разговоры’, рус. *тоси-боси* ‘то-сё’, англ. *boozy-woozy* ‘пьяный’) и с асимметричными компонентами (бел. –, рус. –, англ. *rinky-dink* ‘дешевый’).

Своеобразие выделенных структурных групп проявляется в способности производящих баз РО того или иного языка удлиниться за счет аффиксов или разбиваться промежуточными элементами. Количественная дифференциация производящих баз полных РО обеспечивается в рассматриваемых восточнославянских языках (14,6 % случаев в белорусском языке и 22,7 % в русском) разнообразными слово- и формообразовательными префиксами и суффиксами (бел. *вясёлы-развясёлы*, рус. *тихо-тихонька*). Различия в близкородственных языках проявляются при образовании полных наречных редупликативов: сочетание предикативов или качественных прилагательных с однокоренными наречиями с суффиксом *-ым* нетипично для белорусского языка и является скорее исключением (ср. рус. *темным-темно* и бел. *цёмна-цёмна*, *цямнюсенька*; рус. *полным-полно* и бел. *поўнюсенька*; рус. *черным-черно* и бел. *чорна-чорна*, *чарнюсенька*). В английском языке компоненты полных РО удлинняются лишь за счет вариантных суффиксов (2,2 %) *-y* / *-ie* (англ. *goody-good* ‘паинька’) и *-ety* / *-etty* / *-ity* (англ. *jiggety-jig* ‘бег трусцой’, англ. *mimpetty-mimp* ‘в строжайшей тишине’, англ. *flumpity-flump* ‘шмяк-бряк’), которые, присоединяясь к производящей базе РО, утрачивают лексическое значение и выполняют исключительно ритмико-звуковую функцию. В создании количественной дифференциации полных РО также могут участвовать промежуточные элементы. в белорусском языке (0,9 %) – *-у-* (бел. *трон-у-трон*), в русском языке (1,3 %) – *-в-* (рус. *чик-в-чик* ‘точь-в-точь’) и *-же-* (рус. *ей-же-ей*), в английском (1,0 %) – *-а-* (англ. *flaunt-a-flaunt* ‘чванство’) и *-de-* (англ. *loop-de-loop* ‘перекрёстная любовь’). В трех сопоставляемых языках также имеются заимствованные полные РО с промежуточным элементом *-а-* (ср. бел. *тэт-а-тэт*, рус. *тет-а-тет* и англ. *tête-à-tête* ‘один на один’, заим. из фр. *tête-à-tête* ‘голова в голову’).

Аблаутивные РО английского языка могут сопровождаться количественной дифференциацией, которая обеспечивается звуко-символическими суффиксами (1,3 %) *-у* (англ. *nicky-nack* ‘стук-постук’) и *-ety* / *-ity* (англ. *hippety-hop* ‘скок-поскок’, англ. *lippity-lop* ‘прихрамывать’), а также промежуточными элементами (1,7 %) *-to-* (англ. *clink-to-clank* ‘дзинь-дзинь’), *-а-* (англ. *flicker-a-flacker* ‘плюх-шлеп’), *-ma-* (англ. *clish-ma-clash* ‘пересуды’), *-cum-* / *-come-* (англ. *twiddle-cum-twaddle* ‘тары-бары’, англ. *fiddle-come-faddle* ‘пустая болтовня’). Для белорусского и русского языков

количественная дифференциация между компонентами аблаутивных РО не характерна (исключение составляет лишь рус. *тики-так* ‘хорошо, по рукам’ (0,2 %)).

В отдельных случаях количественная дифференциация присуща и компонентам рифмованных РО английского языка, где она обеспечивается звуко-символическим суффиксом (0,7 %) *-y* (англ. *ricky-ticky* ‘старомодный’), а также промежуточными элементами (0,7 %) *-a-* (англ. *rat-a-tat* ‘тук-тук’), *-ma-* (англ. *razz-ma-tazz* ‘показуха’), *-de-* (англ. *row-de-dow* ‘гвалт’) и *-cum-* (англ. *rory-cum-tory* ‘шумный’), выполняющими ритмико-звуковую функцию. В белорусском и русском языках количественная дифференциация между компонентами рифмованных РО отсутствует.

Определенная специфика наблюдается в регулярности вокалических и консонантных оппозиций внутри компонентов РО, происходящих в пределах разных подъемов (гласные верхнего подъема предшествуют гласным нижнего или среднего подъема) и тонов (высокие согласные (зубные, переднеязычные и среднеязычные) предшествуют низким согласным – заднеязычным и губным). Наибольшей регулярностью в плане чередования гласных звуков внутри компонентов РО характеризуются английские редупликаты, в преобладающем большинстве которых (79,8 %) представлена оппозиция [i] : [æ] (англ. *snick-snack* ‘чик-чик’), реже (22,7 %) – [i] : [ɔ] (англ. *spit-spot* ‘по-быстрому’). Наименьшей регулярностью отличаются аблаутивные РО белорусского языка, в половине которых вокалические мены носят несистемный характер (15,0 % РО имеют мему [i] : [э] (бел. *пiнь-пeнь*), 15,0 % – [i] : [o] (бел. *xiп-xoп*), 15,0 % – [y] : [o] (бел. *тyп-тoп*)). В русском языке в 39,4 % аблаутивных РО представлено чередование [и] : [а] (рус. *ширк-шарк*), в 27,3 % – [и] : [o] (рус. *диш-оон*).

В рассматриваемых восточнославянских языках второй компонент рифмованных РО преимущественно начинается с билабиальных [м] (бел. *тыц-мыц*, рус. *тырлы-мырлы*), [б] (бел. *шура-бура*, рус. *тары-бары*), [п] (бел. *чыкі-ныкі*, рус. *тыры-пыры*) или переднеязычного [л] типа бел. *тамбу-ламбу*, рус. *тяп-ляп*, что справедливо для 67,1 % белорусских рифмованных РО и 71,8 % русских редупликативов. В английском языке в 47,4 % рифмованных РО во втором компоненте начальную позицию занимают губно-губные согласные [w] (англ. *fuzzy-wuzzy* ‘фуззи-вуззи’), [p] (англ. *hauchee-pauchee* ‘разваренная картошка’), [b] (англ. *rigger-bigger* ‘ярый фанат регби’) и [m] (англ. *hogen-togen* ‘сильный мира сего’). Весьма активно (19,9 %) в консонантных менах в качестве финального аблаута участвуют и переднеязычные звуки [d] (англ. *hardy-dardy* ‘безрассудная храбрость’) и [t] (англ. *rooty-tooty* ‘веселье’). В 6,2 % случаев второй компонент рифмованных РО начинается с заднеязычного велярного [g] (англ. *nibby-gibby* ‘на волосок от гибели’). При этом можно

выделить следующие тенденции в консонантных оппозициях: если первый компонент английского рифмованного РО начинается с взрывных губно-губных [b] или [p], второй компонент почти всегда начинается с сонорного губно-губного [w] (англ. *boz-woz* ‘шумный разговор’, англ. *peery-weery* ‘махонький’). Заднеязычный велярный [k] в первом компоненте английских рифмованных РО обычно сопровождается губно-губными согласными [m] или [w]: англ. *county-mounty* ‘офицер дорожной полиции’, англ. *kissie-wissie* ‘чмоки-чмоки’. В целом, в английском языке каждый третий рифмованный РО (31,8 %) начинается с фарингального согласного [h] (англ. *hush-cush* ‘болотистая местность’).

Если первый компонент рифмованного редупликатива начинается с гласного звука, в каждом втором случае в белорусском и русском языках при наращивании консонанта предпочтение отдается губно-губному согласному [б]: бел. *ані-бані*, рус. *аланцы-баланцы* ‘пустые разговоры’. В английском языке в половине проанализированных примеров второй компонент рассматриваемого подтипа удлиняется за счет губно-губного [p] (англ. *aunty-raunty* ‘отважный’) или переднеязычного альвеолярного согласного [d] (англ. *okle-dokle* ‘оки-доки’) [1; 4; 7; 21; 37].

2. Применение диаграмм Вейча к редупликативному материалу позволило выделить пять универсальных комбинаций производящих баз, соотносимых с неполнозначными (Z), полнозначными (X), псевдоморфемными (Y) и ономатопеическими единицами (O). При производстве РО также могут участвовать одна полнозначная производящая база и псевдоморфема-отзвучие (X + Y / Y + X). При этом выделенные типы производящих баз при объединении могут подвергаться шутливому фонетическому искажению (бел. *карла-марла* (от бел. *Карл* + бел. *Маркс*), рус. *хóэи-мóэи* (от рус. *хочешь* + рус. *сможешь*), англ. *willy-nilly* ‘нерешительный’ (от англ. *will ye* ‘желающий’ + англ. *nill ye* ‘не желающий’), а также воздействию префиксации (бел. *добры-прыдобры*, рус. *звон-перезвон*, англ. –), суффиксации (бел. *адзін-адзіненькі*, рус. *фан-фаныч*, англ. *rooty-toot* ‘старье’) и аббревиации (бел. *бэк-мэк* (от бел. *бэкаць* + бел. *мэкаць*), рус. *каля-маля* (от рус. *каляки* ‘небрежный рисунок’ + рус. *маляки* ‘каракули’), англ. *rom-com* ‘романтическая комедия’ (от англ. *romantic* ‘романтический’ + англ. *comedy* ‘комедия’)).

Универсальными в плане семантико-функциональных характеристик в сопоставляемых языках являются модели производства: 1) закрытого класса полных РО, образованных путем редупликации производящих баз, соотносимых с неполнозначными частями речи ($Z + Z = \overline{F}_X$), типа бел. *ні-ні*, рус. *вот-вот*, англ. *so-so* ‘так себе’ (частотность модели составила 1,3 % в белорусском, 2,0 % в русском и 0,5 % в английском языке); 2) ономатопеических РО путем удвоения идентичных междометий или

звукотрафаретов ($O + O = \bar{F}_O$) типа бел. *дзін-дзін*, рус. *чур-чура*, англ. *bang-bang* ‘пиф-паф’ (18,9, 13,4 и 7,0 %) или объединения производящих баз, отличающихся коренным гласным ($O + O' = \bar{A}_O$), типа бел. *бум-бом*, рус. *пиф-паф*, англ. *tick-tock* ‘тик-так’ (3,4, 3,3 и 3,6 %) или начальными согласными ($O + O'' = \bar{R}_O$) типа бел. *тэн-гэн*, рус. *тики-рики*, англ. *jeezy-reezy* ‘ё-маё!’ (2,5, 1,5 и 1,0 %); 3) РО, состоящих из псевдоморфем, объединение которых осуществляется по деривационным моделям полного редупликативного удвоения ($Y + Y = \bar{F}_X$) типа бел. *хаба-хаба*, рус. *талы-талы*, англ. *ga-ga* ‘тютю’ (5,6, 11,4 и 8,9 %), удвоению основ с аблаутом ($Y + Y' = \bar{A}_X$) типа бел. *чук-чок*, рус. *тепель-тапель*, англ. *pibble-pabble* ‘тары-бары’ (1,1, 2,6 и 14,1 %) и удвоению основ с рифмовкой ($Y + Y'' = \bar{R}_X$) типа бел. *шалдэ-балдэ*, рус. *тырли-мырли*, англ. *huggry-muggry* ‘неопрятный’ (10,1, 21,6 и 20,9 %); 4) рифмованных РО, состоящих из двух производящих баз, соотносимых с полноточными словами ($X + X'' = \bar{R}_X$), типа бел. *жыццё-быццё*, рус. *каля-баля* (от рус. *калякать* ‘болтать’ + рус. *балакать*), англ. *cuddle-muddle* ‘шептать’ (от англ. *cuddle* ‘секретничать’ + англ. *muddle* ‘путаться’) (частотность модели составила 2,4 % в белорусском, 2,0 % в русском и 7,0 % в английском языке).

Существенные различия сопоставляемых языков выявляются при образовании редупликативных типов, состоящих из полноточной производящей базы и псевдоморфемы-сгзвучия ($X + Y / Y + X$), а также полных и аблаутивных РО, состоящих из производящих баз, соотносимых с полноточными словами ($X + X$). Включаясь в аблаутивные и рифмованные структурные группы, РО, состоящие из полноточной и псевдоморфемной производящих баз, отличаются тем, что псевдоморфема в них может либо изменять коннотативное значение полноточного компонента, делая его в зависимости от контекста шутливо-ласкательными или грубо-обсценным (ср. бел. *танцы-мацы*, рус. *маслице-фуяслице*, англ. *fund-schmund* ‘фонд-шмонд’), либо выполняет ритмико-звуковую роль, усиливая денотативное значение полноточной производящей базы, что характерно исключительно для английского языка при образовании 35,4 % аблаутивных РО (англ. *mish-mash* ‘«винегрет»’ от англ. *mash* ‘мешанина’). При этом в подавляющем большинстве случаев (около 76,0 %) псевдоморфема предшествует полноточной производящей базе ($Y' + X = \bar{A}_X$): англ. *bibble-babble* ‘пустословие’ от англ. *babble* ‘болтовня’.

Фу- и ху-редупликации относятся к некодифицированной неузуальной лексике русского языка, м-редупликации – к белорусскому и русскому просторечию, в то время как шм-редупликация является своеобразной универсалией разговорной речи трех сопоставляемых языков ($X + Y'' = \bar{R} \cdot X$), нередко выступая в составе диалогических конструкций со структурой

[{...X...} → { \bar{R} •X...}]. В отличие от белорусского и русского языков, где шм-редупликации могут входить в незамкнутый перечислительный ряд однородных членов предложения, выраженных преимущественно существительными (бел. *з усім абсталяваннем, з рэпутацыяй, брэндам-шмэндам*), шм-отзвучие в английском языке зачастую добавляется к именам прилагательным, определяющим имена существительные (англ. *fancy-shmancy interior designer* ‘супер-пупер дизайнер по интерьерам’).

Модель производства полных РО путем редупликации знаменательных частей речи ($X + X = \bar{F}_X$) используется в белорусском и русском языках при образовании множества словоформ типа бел. *прыгожы-прыгожы*, рус. *любит-любит*, которые характеризуются способностью выступать в составе противительных или уступительных конструкций, имеющих структуру [\bar{F}_X , а (но, да, и)...]. В английском языке значение интенсивности, в той или иной степени соотносимое с повтором словоформ в белорусском и русском языках, выражается при помощи синтаксического повтора лексических интенсификаторов типа англ. *very* ‘очень’ и англ. *really* ‘крайне; очень; чрезвычайно’ (англ. *a very, very tiny bump* ‘маленькая-маленькая шишка’). В отличие от белорусского и русского языков полные РО, состоящие из полнозначных баз, в английском языке (5,9% от общего числа редупликативных типов) рассматриваются не как словоформы, а как новые слова, которые являются узуальными и фиксируются в толковых словарях (англ. *din-din* ‘еда’ от англ. *dinner* ‘обед’). На денотативное значение редуплицированных имен прилагательных английского языка нередко наслаивается сема <чрезмерность> (англ. *matchy-matchy* ‘чересчур гармонирующий’) или <притворность> (англ. *goody-goody* ‘притворно добродетельный; ханжеский’).

В сопоставительном плане большой интерес представляет так называемая контрастивная редупликация (к набору семантических признаков редуплицированной производящей базы, соотносимой с полнозначным словом, добавляется дополнительное значение различительности) типа бел. *голад-голад* ‘самый настоящий голод’, рус. *ужас-ужас* ‘действительно ужас’, англ. *busy-busy* ‘по-настоящему занятой’, которая в сопоставляемых языках чаще всего выявляется в составе синтаксических фразем типа [не X, а \bar{F}_X] / [\bar{F}_X , а не (просто) X], [X, а (но) не \bar{F}_X], [X или \bar{F}_X] / [\bar{F}_X или X]: бел. *быць ня проста сябрам, а сябрам-сябрам*, англ. *to be rich but not rich-rich* ‘быть просто богатым, а не богатым-богатым’. В отличие от контрастивной редупликации белорусского и русского языков, в составе которой участвуют преимущественно имена существительные, контрастивной редупликации в английском могут подвергаться не только знаменательные и служебные части речи, но и целые синтаксические конструкции (нередко в целях уточнения

лексического значения входящей в них многозначной единицы): англ. *I'm up, I'm just not up up* 'я встал, только еще пока не поднялся'.

Будучи нетипичными для белорусского и русского языков (исключение составляет рус. *бьяки-буки* от рус. *бьяка* 'нечто плохое, нежелательное' и рус. *бука* 'ночное страшилище'), английские аблаутивные РО могут состоять из двух производящих баз, соотносимых с синонимичными полнозначными словами (частотность модели $X + X' = \bar{A}_X$ составляет 3,6%), которые в сопоставительном плане можно соотнести с нередуцированными парносинонимическими конструкциями, распространенными в восточнославянских языках (ср. бел. *прыпынак-супынак*, рус. *друг-приятель* и англ. *higgle-haggle* 'торговаться' от англ. *higgle* 'выторговывать' + англ. *haggle* 'сговариваться о цене').

В белорусском и русском языках аблаутивные и рифмованные РО характеризуются по сравнению с английским не такой богатой системой деривационных моделей (внутренняя валентность аблаутивных РО в рассматриваемых восточнославянских языках ограничена звукоподражательными и псевдоморфемными производящими базами), а также меньшим семантическим разнообразием и емкостью предметно-тематических группировок РО. В отличие от редуликативной белорусского и русского языков английские аблаутивные и рифмованные РО могут выступать в составе следующих тематических групп: «движение» (англ. *dindle-dandle* 'покачиваться'), «ничтожность, недостойность» (англ. *yip-yap* 'парвеню' от англ. *yap* 'выскачка'), «опротечивость, безрассудство» (англ. *hilter-wilter* 'во что бы то ни стало'), «глупость» (англ. *miff-maff* 'глупость' от англ. *maff* 'глупец'), «претенциозность, жеманство» (англ. *niminy-piminy* 'чопорный'), «состояние алкогольного опьянения» (англ. *heivy-keivy* 'пьяный'), «размер» (англ. *titty-totty* 'малюсенький' от англ. *titty* 'малюсенький' + англ. *totty* 'крошечный', англ. *litty-witty* 'крохотный' от англ. *bit* 'кусочек' + англ. *whit* 'капелька') и «раздражительность». Отличительной чертой последней группы является употребление РО исключительно во множественном числе (англ. *wim-wams* 'нервозность', англ. *heebie-jeebies* 'глубокая депрессия'). В свою очередь редуликативы рассматриваемых восточнославянских языков могут входить в тематическую группу «криминальный мир» (бел. *калі-валі* 'наркотики', рус. *жу́ки-ку́ки* 'профессиональные преступники'), не типичную для английского языка [3; 4; 13; 17; 20; 28; 34; 35].

3. В трех сопоставляемых языках наблюдаются следующие закономерности распределения РО (уровень надежности $\gamma = 0,95$): наибольшую вероятность появления в белорусском и русском языках имеют полные редуликативы, относительная частота которых составила соответственно 0,0042% (при доверительном интервале $0,0038\% < \bar{F} < 0,0045\%$) и 0,0051%

(0,0047 % < \bar{F} < 0,0055 %). В английском языке полные РО используются с относительной частотой в 0,00197 % (0,0017 % < \bar{F} < 0,0022 %), что в 2,1 раза ниже, нежели в белорусском языке, и в 2,6 раза реже по сравнению с русским языком.

Наименьшей вероятностью проявлений в сопоставляемых восточнославянских языках характеризуются аблаутивные редупликаты: оценка вероятности того, что наугад взятое слово в белорусском языке окажется аблаутивным РО, составляет всего 0,00024 % (0,00016 % < \bar{A} < 0,00033 %), что в 2,2 раза меньше, чем в русском языке, где относительная частота аблаутивных РО составляет 0,00053 % (0,00041 % < \bar{A} < 0,00065 %). В английском языке вероятность проявлений аблаутивных РО, относительная частота которых составляет 0,00297 % (0,0027 % < \bar{A} < 0,0033 %), в 5,6 раза выше, нежели в русском языке, и в 12,2 раза больше, чем в белорусском.

Что касается рифмованных РО, то они наиболее часто используются в английском языке, характеризуясь относительной частотой в 0,0041 % (0,0037 % < \bar{R} < 0,0044 %). В свою очередь, в белорусском языке вероятность использования рифмованных РО, относительная частота которых составляет 0,0013 % (0,0011 % < \bar{R} < 0,0015 %), в 3 раза ниже по сравнению с английским языком и в 1,6 раза меньше, нежели в русском языке, где относительная частота рифмованных РО составляет 0,0022 % (0,0019 % < \bar{R} < 0,0024 %).

Существенность расхождений между вероятностями и частотами различных типов РО объясняется функциями редупликации в сопоставляемых языках, носящих флективно-синтетический и аналитический характер. В белорусском и русском языке редупликации выступает не столько словообразовательным, сколько формообразовательным способом, поэтому в редупликативном корпусе олицородственных славянских языков значительно преобладают полные РО разных частей речи типа бел. *спрытна-спрытна* и рус. *ходит-ходит* (13,0 и 60,6 % от общего числа редупликативных типов соответственно). В английском языке, где редупликация выполняет преимущественно словообразовательную роль, большинство редупликативов представлено рифмованными (44,55 %) и аблаутивными типами (44,5 %), в то время как в редупликативном корпусе белорусского и русского языков аблаутивные (4,5 и 6,1 % от общего числа редупликативных типов) и рифмованные РО (22,5 и 33,3 %) достаточно малочисленны [1; 4; 7; 8].

4. Выступая в пространстве художественных текстов в различной концентрации, РО белорусского, русского и английского языков, введенные в ткань художественного произведения контекстуальным или текстуальным способом (значение РО раскрывается посредством редупликативной дефиниции, нейтрального синонима или перевода), обладают пятью универсальными функционально-стилистическими потенциями и выступают в

качестве эффективного средства эвфемизации, стилизации (под кавказскую, еврейскую, детскую, «магическую» и «заморскую» речь), комизации (часто как основа каламбура), типизации (в качестве показателя принадлежности персонажа к той или иной социальной среде и возрастной группе) и экспрессивизации (в составе имен собственных, а также как один из индикаторов эмоционального состояния литературного героя при использовании рифмованных РО, состоящих из полнозначной и псевдоморфемной основы-отзвучия). Редупликативные слова и словоформы, участвующие в процессах стилизации и типизации, обычно выступают в составе блока, который представляет собой совокупность контактно или дистантно расположенных РО, объединенных общностью выполняемых стилистических функций. Единичными же функциями, как правило, характеризуются РО, организующие стилистический слом, комический эффект и эвфемизацию речи.

Семантико-функциональное своеобразие РО в сопоставляемых языках проявляется в распределении редупликативов внутри речевых зон произведения. В отличие от английского языка, где отсутствует ограничение на использование того или иного структурного типа РО (в собственно-авторской речи предпочтение отдается звукоподражательным редупликативам), в белорусско- и русскоязычной художественной прозе использование РО в авторской речи лимитировано редупликативными словоформами [5; 9; 10; 14; 15; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 30; 31; 32; 35].

5. Алгоритм перевода РО представляет собой набор определенных правил, которым в строгом порядке следует переводчик для достижения эквивалентной и адекватной передачи РО. Разработанные шаги алгоритма базируются на двух типах универсальных переводческих решений: сохранении ($PO = PO'$) и компенсации ($PO \neq PO'$). Редупликативное по структуре соответствие или функциональный аналог в сопоставляемых языках выявляется для имен собственных (рус. *планета Хош-ни-Хош* → англ. *planet Willy-Nilly*, англ. *Beel-Beel* → бел. *Біл-Біл*), интернациональных терминов (бел. *беры-беры* → рус. *бери-бери* → англ. *beriberi*), звукоподражаний (бел. *gaŭ-gaŭ* → англ. *bow-wow*, англ. *rat-tat* → рус. *тук-тук*), эхо-конструкций (бел. *фонд-шмонд* → англ. *fund-schmund*, англ. *liony-piony* → рус. *левчик-ревчик*) и некоторых фразеологизированных лексических единиц, входящих в сопоставляемых языках в одни и те же тематические группы: «болтовня, пустословие» (рус. *тары-бары* → англ. *chit-chat*), «интимные отношения» (англ. *love-dovey* → рус. *шурь-мурь*), «обман, хитрость, неискренность» (бел. *фігли-мігли* → англ. *shuffle-shuffle*), «низкосортность, хлам» (англ. *trish-trash* → бел. *хурда-мурда*), «беспорядок, путаница» (рус. *шурум-бурум* → англ. *midge-madge*), «высокая степень качества» (рус. *чики-ники* → англ. *okey-dokey*),

«неопрятность, неряшливость» (англ. *slibber-slabber* → бел. *цану-лану*), «пустяки, мелочи, праздность» (рус. *шурли-мырли* → англ. *fible-fable*) и «считалочные слова» (бел. *эні-бэні* → англ. *eeny-weeny*).

При компенсующем типе переводческих решений обеспечивается раскрытие денотативного и коннотативного значения переводимой лексической единицы при потере структурного своеобразия РО: бел. *цяп-ляп* → англ. *slapdash*, англ. *teeny-weeny* → бел. *малюпасенькі*. При передаче английских РО, выраженных именем существительным или прилагательным, на белорусский и русский языки словарные соответствия или контекстуальные замены часто сопровождаются суффиксами субъективной оценки, которые являются распространенным морфологическим средством в восточнославянских языках (англ. *goody-goody* → бел. *добранькі*, англ. *huffer-puffer* → рус. *критикан*).

При переводе полных РО различных частей речи с белорусского и русского языков на английский используется функциональный аналог, создание которого сопровождается в зависимости от частеречной принадлежности РО приемом целостного преобразования (в отношении редупликативов, выступающих в противительных-уступительных конструкциях), различными средствами выражения категории интенсивности, применением синтаксического повтора, союзным или бессоюзным повторением отдельных частей речи (рус. *дурак-дурак, а...* → англ. *to be a fool if ever there is one*, рус. *медленно-медленно* → англ. *really slowly*, бел. *даўно-даўно* → англ. *long, long ago*, бел. *слухаць-слухаць* → англ. *listen and listen*). В английском языке в отличие от белорусского и русского удвоение знаменательной части речи носит в первую очередь не интенсифицирующую, а различительную функцию, поэтому контрастивная редупликация в английском передается в восточнославянских языках при помощи полной редупликации, направленной на идентификацию подлинного качества предмета или действия (англ. *bason-bason* → рус. *бекон бекон*), или путем перевода соответствующей лексической единицы, составляющей полное РО, в сопровождении детерминантов «настоящий», «действительный», «подлинный» (англ. *politics-politics* → рус. *настоящая политика*).

Неправомерное опущение редупликативных типов при межъязыковом корреспондировании (РО = ∅) приводит к невозполнимым семантическим потерям и обедняет переводной текст. Минимизировать переводческие промахи призван первый в своем роде толково-переводной словарь, включающий 95 наиболее частотных редупликативных слов современного английского языка и их соответствий в белорусском и русском языках [2; 6; 11; 12; 16; 18; 19; 29; 33].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Основные теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по редупликации в разноструктурных языках, а также при написании учебных пособий и монографий по словообразованию, контрастивной лингвистике, сравнительной типологии, сопоставительной лексикологии, стилистике и переводу. Целесообразно использование материала диссертации и в учебном процессе (при чтении спецкурсов, написании курсовых и дипломных работ).

Практические разработки («Корпус редупликативных образований современного белорусского, русского и английского языков» и «Толково-переводной словарь редупликативных образований») могут использоваться в процессе преподавания практики устной и письменной речи белорусского, русского и английского языков, а также при составлении толковых и переводных словарей. Благодаря многопрофильной информации, содержащейся в зонах словарных статей, созданный лексикографический труд будет востребованным не только среди переводчиков, но и среди широкого круга лиц, изучающих английский язык и стремящихся к расширению лингвистического и культурологического кругозора.

Перспективными видятся исследования, направленные на установление этимологической природы редупликаций, выявление значимости заимствований в редупликативной лексике, роли РО в процессах вторичной номинации, подверженности редупликации семантической неоднозначности. Важным также представляется объединение редупликативов в словообразовательные гнезда, списание лексической валентности РО, а также изучение редупликативных единиц в рамках лингвопрагматики.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых изданиях

1. Шульга, Н.В. Фонеморфологическая структура редупликативных слов белорусского, русского и английского языков / Н.В. Шульга // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2010. – № 3. – С. 62–66.
2. Шульга, Н.В. Перадача англійскіх рэдуплікатыўных утварэнняў : перакладчыцкія рашэнні і спосабы іх рэалізацыі / Н.В. Шульга // Роднае слова. – 2011. – № 8. – С. 40–42.
3. Шульга, Н.В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований / Н.В. Шульга // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – 2011. – № 4. – С. 108–112.
4. Шульга, Н.В. Словообразовательные и формообразовательные модели редупликативных единиц : на материале белорусского, русского и английского

языков / Н.В. Шульга // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2011. – № 4. – С. 34–38.

5. Шульга, Н.В. Стилистический эффект редупликативных образований в пространстве художественных текстов современных русских писателей / Н.В. Шульга // Молодежь в науке – 2011 : прил. к журн. «Весці Нац. акад. навук Беларусі» : материалы междунар. науч. конф. молодых ученых, Минск, 25–29 апр. 2011 г. : в 5 ч. / Нац. акад. наук Беларуси ; Совет молодых ученых НАН Беларуси ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2012. – Ч. 2 : Серия гуманитарных наук. – С. 225–228.

6. Шульга, Н.В. Алгоритм перевода редупликативных образований : на материале белорусского, русского и английского языков / Н.В. Шульга // Веснік МДПУ імя І.П. Шамякіна. – 2012. – № 3. – С. 119–125.

7. Шульга, Н.В. Теория оптимальности: новый подход к явлению редупликации / Н.В. Шульга // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2012. – № 8. – С. 62–66.

8. Шульга, Н.В. Статистический анализ редупликативных образований белорусского, русского и английского языков / Н.В. Шульга // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2013. – № 3. – С. 74–78.

Статьи в научных сборниках

9. Шульга, Н.В. Специфика редупликации как формы языковой игры / Н.В. Шульга // Актуальныя пытанні сучаснай навукі : зб. навук. прац / Беларус. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка ; редкол.: В.В. Бушчык [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 129–132.

10. Шульга, Н.В. Функционирование редупликативных образований в газетном тексте / Н.В. Шульга // Сб. ст. : в 3 ч. / НОУ ВПО ОмГА. – Омск, 2010. – Вып. 5 : Вопросы филологии и журналистики. – Ч. 1. – С. 199–206.

11. Шульга, Н.В. Переводческие ошибки при передаче редупликативных образований : на материале английского языка / Н.В. Шульга // Сб. науч. ст. / Бюро переводов «Альба». – Н. Новгород, 2010. – Вып. 1 : Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – С. 122–130.

12. Шульга, Н.В. Структура толково-переводного двуязычного словаря редупликативных образований / Н.В. Шульга // Сб. науч. тр. по лексикографии / ХЛО НТУ «ХПИ», Ин-т славистики Клагенфурт. ун-та, ГрГУ. – Харьков, 2011. – Вып. 12 : Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. – С. 77–79.

13. Шульга, Н.В. Словообразовательные модели редупликативных образований русского языка / Н.В. Шульга // Сб. науч. ст. / ГОУ ВПО «КемГУ». – Кемерово, 2011. – Вып. 4 : Актуальные проблемы современного словообразования. – С. 259–265.

14. Шульга, Н.В. Редупликативный блок и его функции в художественном тексте / Н.В. Шульга // Сб. ст. / Коми гос. пед. ин-т. –

Сыктывкар, 2011. – Вып. 7 : Семиозис и культура: от реальности к тексту – от текста к реальности. – С. 184–188.

15. Шульга, Н.В. Редупликативные образования в пространстве художественного текста / Н.В. Шульга // Текст. Язык. Человек : Неделя русской филологии в Мозырском государственном педагогическом университете имени И.П. Шамякина : сб. науч. тр. : в 2 ч. / МГПУ им. М.П. Шамякина ; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2011. – Ч. 2. – С. 111–113.

16. Шульга, Н.В. Переводческая деятельность в Республике Беларусь / Н.В. Шульга // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. пед. ун-т ім. М. Танка ; рэдкал.: Д.В. Дзятко (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 325–328.

17. Шульга, Н.В. Редупликативная лексика английского языка в хронологическом аспекте / Н.В. Шульга // Актуальные вопросы современной науки : сб. науч. работ / Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: В.В. Бущик [и др.]. – Минск, 2011. – С. 174–178.

18. Шульга, Н.В. Анализ результатов перевода редупликативных образований английского языка на русский язык / Н.В. Шульга // Сб. науч. тр. / НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 2011. – Вып. 14 : Проблемы теории, практики и дидактики перевода. – Т. 2. – С. 171–178.

19. Шульга, Н.В. Трудности перевода редупликативных образований : на материале произведений братьев Стругацких / Н.В. Шульга // Сб. науч. ст. / Бюро переводов «Альба». – Н. Новгород, 2011. – Вып. 2 : Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – С. 122–130.

20. Шульга, Н.В. Образование редупликативных слов и словоформ в современном белорусском, русском и английском языках / Н.В. Шульга // Молодеж. сб. науч. ст. / Совет молодых ученых НАН Беларуси, ООО «Лаборатория интеллекта». – Минск, 2012. – Вып. 1 : Научные стремления. – С. 81–86.

21. Шульга, Н.В. Ударение в редупликативных образованиях белорусского, русского и английского языков / Н.В. Шульга // Молодеж. сб. науч. ст. / Совет молодых ученых НАН Беларуси, ООО «Лаборатория интеллекта». – Минск, 2012. – Вып. 3 : Научные стремления. – С. 21–24.

22. Шульга, Н.В. Ох, уж эти шуры-муры! / Н.В. Шульга // Электр. сб. ст. / Беларус. гос. ун-т, фак. междунар. отношений. – Минск, 2012. – Вып. 2 : Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ. – С. 72–73.

Материалы конференций

23. Шульга, Н.В. Явление редупликации в подсистеме окказионального словообразования белорусского языка / Н.В. Шульга // Наука и образование в условиях социально-экономической трансформации общества : материалы XIII

Международ. науч.-практ. конф., Минск, 15 апр. 2010 г. / ИСЗ им. А.М. Широкого ; редкол.: В.А. Мищенко [и др.]. – Минск, 2010. – С. 203–206.

24. Шульга, Н.В. Редупликация и другие виды словообразовательной игры / Н.В. Шульга // Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання : матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф. маладых вучоных, Мінск, 26 сак. 2010 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: П.І. Навойчык (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 443–447.

25. Шульга, Н.В. Редупликативные антропонимы в пространстве литературного произведения / Н.В. Шульга // Беларуская анамастыка. Гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 20 крас. 2010 г. / Інстытут мовы і літаратуры ім. Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі ; рэдкал.: І.Л. Капылоў [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 270–275.

26. Шульга, Н.В. Редупликация и другие особенности считалок : на материале белорусского, русского и английского языков / Н.В. Шульга // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–23 крас. 2010 г. / МДПУ імя І.П. Шамякіна ; рэдкал.: В.В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2010. – С. 83–85.

27. Шульга, Н.В. Реализация редупликации в детских стихах / Н.В. Шульга // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики : материалы Международ. науч. конф., посвящ. памяти проф. Р.Г. Пиотровского, Минск, 15–16 июня 2010 г. : в 2 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: А.В. Зубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – Ч. 1. – С. 177–181.

28. Шульга, Н.В. Явление редупликации в системе междометий и звукоподражаний / Н.В. Шульга // Наука. Образование. Технологии-2010 : материалы III Международ. науч.-практ. конф., Барановичи, 21–22 окт. 2010 г. / БарГУ ; редкол.: А.В. Никишова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи, 2010. – С. 259–261.

29. Шульга, Н.В. Сравнительный анализ переводов редупликативного образования *handy-dandy* в трагедии У. Шекспира «Король Лир» / Н.В. Шульга // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы IV Международ. науч. конф., посвящ. 89-летию образования Беларус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2010 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2010. – С. 74–75.

30. Шульга, Н.В. Редупликация в колыбельных песнях : на материале русского, белорусского и английского языков / Н.В. Шульга // Образование и наука в Беларуси: актуальные проблемы и перспективы развития в XXI веке : материалы науч.-практ. конф. молодых ученых, Минск, 21 мая 2010 г. / Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: В.В. Бушик (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 174–177.

31. Шульга, Н.В. Редупликативные образования на страницах журнала «Вожык» / Н.В. Шульга // Мова – Літаратура – Культура : матэрыялы VI Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2010 г. : у 2 ч. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Т.Я. Янчук [і інш.]. – Мінск, 2011. – Ч. 1. – С. 168–172.

32. Шульга, Н.В. Отражение прагматических характеристик редупликативов в словарях : на материале русского, белорусского и английского языков / Н.В. Шульга // Язык и социум : теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы IX Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2010 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: И.С. Ровдо [и др.]. – Минск, 2011. – С. 249–252.

33. Шульга, Н.В. Супастаўляльны аналіз некаторых аспектаў лексічных сістэм беларускай і рускай літаратурных моў : на матэрыяле перакладу англійскіх рэдуплікатыўных утварэнняў / Н.В. Шульга // Тыпалогія ўзаемасувязей беларускай і рускай моў і праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 крас. 2011 г. / Інстытут мовы і літаратуры ім. Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі ; рэдкал.: І.У. Кандраценя [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 355–359.

34. Шульга, Н.В. Редупликативные интернационализмы : на материале русского, белорусского, английского и немецкого языков / Н.В. Шульга // Язык и межкультурные коммуникации : материалы III Междунар. науч. конф., Минск – Вильнюс, 17–20 мая 2011 г. / Беларус. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол.: В.Д. Стариченок (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2011. – С. 220–221.

35. Шульга, Н.В. Редупликация в названиях блюд и наименованиях продуктов питания / Н.В. Шульга // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы V Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию образования Беларус. гос. ун-та, Минск, 28 окт. 2011 г. / Беларус. гос. ун-т ; редкол.: В.Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2011. – С. 191.

36. Шульга, Н.В. Явление редупликации в названиях мультфильмов, кинофильмов и телепередач / Н.В. Шульга // Молодые ученые в инновационном поиске : материалы междунар. науч. конф., Минск, 25 мая 2012 г. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: А.В. Зубов [и др.]. – Минск, 2012. – С. 93–96.

Тезисы докладов

37. Шульга, Н.В. Сопоставление фонетической структуры редупликативных образований и нередуплицированных сложных слов / Н.В. Шульга // Содружество наук. Барановичи-2010 : тезисы докл. VI Междунар. науч.-практ. конф. молодых исследователей, Барановичи, 19–20 мая 2010 г. : в 2 ч. / БарГУ ; редкол.: А.В. Никишова [и др.]. – Барановичи, 2010. – Ч. 2. – С. 262–264.

РЕЗЮМЕ

Шульга Наталья Владимировна
Редупликативные образования в белорусском, русском и английском языках: структура, функции, перевод

Ключевые слова: редупликация, удвоение, редупликативные образования, фономорфологическая структура, деривационная модель, частотность, экспрессивно-стилистические функции, алгоритм перевода.

Цель исследования – выявить типологические сходства и различия в системе редупликативных единиц белорусского, русского и английского языков на основе изучения их структуры, функций и особенностей перевода.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительный метод, деривационный анализ, метод диаграмм Вейча, а также элементы теоретико-множественного, статистического и компонентного методов.

Полученные результаты и их новизна. Впервые проведен комплексный анализ редупликативных образований белорусского языка в сопоставлении с редупликативами русского и английского языков. Составлен редупликативный корпус и определены фономорфологические особенности полных, аблаутивных и рифмованных слов и словоформ. Выявлены деривационные модели универсальных редупликативных типов, а также выделены их тематические группы. Определены вероятностно-статистические характеристики редупликативов. Установлены стилистические функции редупликативных единиц. Раскрыты способы перевода редупликативных слов и словоформ. Разработан алгоритм межъязыкового корреспондирования редупликативной лексики. Составлен толково-переводной словарь наиболее частотных редупликативов современного английского языка и их соответствий в русском и белорусском языках.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Теоретические и практические разработки диссертационного исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов и пособий по редупликации, словообразованию, лексикологии, контрастивной лингвистике, стилистике, переводу и практике устной и письменной речи белорусского, русского и английского языков; при составлении толковых и переводных словарей, а также в учебном процессе (при чтении лекций, спецкурсов, написании курсовых и дипломных работ).

Область применения: сравнительная типология, контрастивная лингвистика, сопоставительная лексикология, лексикография, стилистика, переводоведение, лингводидактика.

РЭЗІЮМЭ

Шульга Наталля Уладзіміраўна
**Рэдуплікатыўныя ўтварэнні ў беларускай, рускай і англійскай мовах:
структура, функцыі, пераклад**

Ключавыя словы: рэдуплікацыя, падваенне, рэдуплікатыўныя ўтварэнні, фанамарфалагічная структура, дэрывацыйная мадэль, частотнасць, экспрэсіўна-стылістычныя функцыі, алгарытм перакладу.

Мэта даследавання – выявіць тыпалагічныя падабенствы і адрозненні ў сістэме рэдуплікатыўных адзінак беларускай, рускай і англійскай моў на аснове вывучэння іх структуры, функцый і асаблівасцяў перакладу.

Метады даследавання: параўнальна-супастаўляльны метады, дэрывацыйны аналіз, метады дыяграм Вейча, а таксама элементы тэарэтыка-множнага, статыстычнага і кампанентнага метадаў.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Упершыню праведзены комплексны аналіз рэдуплікатыўных утварэнняў беларускай мовы ў параўнанні з рэдуплікатывамі рускай і англійскай моў. Складзены рэдуплікатыўны корпус і вызначаны фанамарфалагічныя асаблівасці слоўных, аблатыўных і рыфмаваных слоў і словаформаў. Выяўлены дэрывацыйныя мадэлі ўніверсальных рэдуплікатыўных тыпаў, а таксама выдзелены іх тэматычныя групы. Вызначаны імавернасна-статыстычныя характарыстыкі рэдуплікатываў. Устаноўлены стылістычныя функцыі рэдуплікатыўных адзінак. Раскрыты спосабы перакладу рэдуплікатыўных слоў і словаформаў. Распрацаваны алгарытм міжмоўнага каарэсі андзіравання рэдуплікатыўнай лексікі. Складзены тлумачальна-перакладны слоўнік найбольш частотных рэдуплікатываў сучаснай англійскай мовы і іх адпаведнікаў у рускай і беларускай мовах.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Тэарэтычныя і практычныя распрацоўкі дысертацыйнага даследавання могуць быць выкарыстаны пры напісанні абагульняючых прац і дапаможнікаў па рэдуплікацыі, словаўтварэнню, лексікалогіі, кантрастыўнай лінгвістыцы, стылістыцы, перакладу і практыцы вуснага і пісьмовага маўлення на беларускай, рускай і англійскай мовах; пры складанні тлумачальных і перакладных слоўнікаў, а таксама ў навучальным працэсе (пры чытанні лекцый, спецкурсаў, напісанні курсавых і дыпломных прац).

Галіна выкарыстання: параўнальная тыпалогія, кантрастыўная лінгвістыка, супастаўляльная лексікалогія, лексікаграфія, стылістыка, перакладазнаўства, лінгвадыдактыка.

SUMMARY

Natallia V. Shulha

Reduplicative Formations in Belarusian, Russian and English: Structure, Functions and Translation

Keywords: reduplication, doubling, reduplicative formations, phonomorphological structure, derivational model, frequency, stylistic functions, translation algorithm.

Research purpose: to reveal typological differences and similarities between reduplicative units in Belarusian, Russian and English by identifying peculiarities of their structure, functions and rendering.

Research methods: comparative and contrastive analysis, Veitch – Karnaugh map method, derivational analysis as well as some elements of set-theory analysis, statistical analysis and componential method.

Research results and their significance. The performed comprehensive analysis is the first known comparison of Belarusian reduplicative formations with those in Russian and English. The author compiles reduplicative corpora of three languages, explores phonomorphological features of full, ablaut and rhymed reduplicative words and word forms, identifies derivational models of universal reduplicative formations and classifies them into thematic groups. The author also estimates the probability density of reduplicative units, reveals their stylistic functions, describes ways and methods of translating reduplicative words and word forms, devises a translation algorithm as well as compiles a trilingual dictionary of core modern English reduplicative vocabulary with its cross-linguistic correspondences in Russian and Belarusian.

Recommendations for applying research results. Theoretical and practical outcomes of this research can be used in typological studies of reduplication, textbooks and handbooks on contrastive linguistics, word-formation, lexicology, stylistics, translation and interpretation as well as coursebooks dedicated to speech and written practice of the Belarusian, Russian and English languages. Reduplicative corpora can be used while compiling translation and defining dictionaries as well as utilized in educational processes (while preparing lectures, special academic courses and producing term papers and final-year projects).

Field of application: comparative typology, contrastive linguistics, word-formation, comparative lexicology, lexicography, stylistics, translation studies and language education.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Подписано в печать 31.12.2013. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 2,0.
Тираж 75 экз. Заказ 807, 808.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.